

*Я хочу посвятить эту книгу
половине американского населения:
тем, кто находится в возрасте
двадцати пяти лет и моложе*

Вступительное слово

Восемь недель, растянувшихся с жаркого, засушливого конца мая и зимы до холодных, мокрых дней раннего июля и начала летнего сезона в Гвадалахаре, я просидел на кровле. В моем доме за западной окраиной Гвадалахары на крыше есть маленькая квадратная пристройка для горничной. Она выкрашена в мертвенно-бледный цвет.

Внутри это жилище над крышей представляет собой небольшую комнату, где вдоль одной из стен громоздятся несколько ящиков. Вплотную к западной стене стоит длинный типовой, коричневого цвета, письменный стол, который я купил за 50 песо на складе подержанной мебели. Вдоль северной стены располагаются окно, дверь и стул с прямой спинкой, который выдерживает нагревательную пластину, маленький кофейник и грязную зеленую чашку с блюдцем. В восточной стене дверь, ведущая в ванную с душем, в котором одна холодная вода, и очком без сиденья – пол в ванной устроен так, что если вы принимаете душ, в комнату стекает больше воды, чем в сток. Поэтому я совершил здесь только одно разоблачение: мое первое разоблачение открытия и... подтирания полов.

Все эти недели у меня была превосходная позиция для наблюдения караула эвкалиптов и королевских понсиан, выбрасывающих свой цвет, а затем теряющих его. Мексиканская сосна, кажется, не изменила свой серовато-бирюзовый оттенок. Сейчас с востока надвигается гроза и я могу уже обонять влагу и тот прекрасный затхлый аромат, который я всегда любил. Через каких-нибудь несколько минут большие буро-коричневые капли двухдюймового размера зарикошетят и растекутся по крыше, что начинается сразу за моей дверью.

Девиз двадцать первого столетия:

«Все возможно»

Я только что закончил эту книгу. Я хочу извиниться за ее несовершенства. Если в ее основном содержании недостает прозрачности, это из-за того, что мне следовало бы написать ее за восемь дней, а не за восемь недель. И если я допустил какие-то досадные научные промахи, спишите это на то обстоятельство, что я не взял с собой никаких книг в этот западный уголок Мексики, лишь некоторые записи. Сами главы намеренно разнятся по объему, иногда говоря больше, иногда лишь немного, однако во всяком случае говоря достаточно, чтобы ввести непосвященного в мир соматического мышления.

Каждый из трех разделов книги отличается от других и выполняет особую функцию и, соответственно, все время меняется стиль изложения. В первом разделе я стараюсь любыми средствами, какие могу изобрести, помочь тем, кто мыслит традиционно, сбросить безрадостный груз глубоко укоренившихся способов мышления относительно человеческой расы и мира, в котором она живет, и уловить аромат соматического способа мышления. Во втором разделе изложена базовая информация (изложена настолько доступно и фокусировано, насколько я ею владею), касающаяся исследований и теории соматически ориентированных ученых и философов. Есть, конечно, множество других соматических исследователей и мыслителей, которых невозможно было включить в обсуждение; но тем, с кем я имел дело в Разделе 2, случилось стать главными фигурами в развитии моего собственного соматического мышления. В третьем разделе тема делает еще один крутой поворот и соматический подход, а также данные, на которые он опирается, сосредоточиваются вокруг происходящей в настоящее время эволюции нашей культуры и того, что кажется мне проступающими очертаниями двадцать первого века.

Является ли *Восстание тел* законченной книгой или научным трудом, для меня безразлично. Что действительно имеет значение, так это то, что кто-то должен был написать книгу подобного рода, и что она должна была быть написана вскоре. В истории нечасто бывали периоды, когда бы нация испытывала такую необходимость в *Путеводителе по Запутанному*. Не оказалось больше ни-

кого, кто был бы склонен написать его, поэтому я был вынужден это сделать.

Я хочу поблагодарить Американский Совет Научных Сообществ за то, что он предоставил мне возможность написать такое произведение, оплатив мое рабочее время. На него следует равняться по той причине, что если организации, так же, как и правительства, не берутся субсидировать экспериментальные и революционные проекты, следующие несколько поколений будут вынуждены планировать будущее не с их помощью, а вопреки ей.

Эта книга не является ни научным, ни философским, ни литературным произведением. Это свободное эссе. По традиции, литераторы описывают сколь прелестные, стол и удивительные вещи, но они вовсе не имеют в виду того, что говорят; это делает их литераторами. Философы, также по традиции, пишут о вещах скорее осторожно и сдержанно, так как правила игры предполагают, что они не ошибаются, когда говорят то, что имеют в виду.

В этой книге я старался говорить то, что я имею в виду, и иметь в виду то, что говорю.

T.X.

Гвадалахара, Мексика

Июль, 1969

Раздел 1: Эволюция-революция сом

1. Начиная книгу

В настоящее время и на оставшуюся треть двадцатого столетия человеческие тела вступили в состояние культурного мятежа. В технологических обществах – по всей Европе и частично в Соединенных Штатах – сейчас появляется новый вид человека: мутант, который все в большей степени будет доминировать в нашем обществе и который в то же время будет создавать новую культуру этого общества. Понять происходящее довольно просто: расходуя чудовищные количества агрессивной энергии, люди преуспели наконец в создании новой среды, которая перестроила и преобразила землю, создав на ней обстановку, теперь уже не игнорирующую существование и потребности человека, но несомненно их поддерживающую. В ответ на это огромные количества энергии, освобожденной такими условиями жизни, создают новый вид человека, культурного мутанта.

На протяжении ста или более лет мы чувствовали эту перемену: люди предрекали ее и опасались, надеялись на нее и страшились как слепого рока, настолько зловещего и так радикально отличающегося от всего известного, что равнозначно было рассматривать его как высшее благо или как высшее зло: т.е. приближался период человеческой истории, когда взрыв нового был настолько силен, что вообще невозможно было заранее составить о нем сколь-нибудь ясного представления. Минувшие сто с лишним лет были эпохой тревоги, скрытого перелома и человеческого страдания. Определенно, выражением времени служило: «Какой в этом смысл?» и «Куда мы идем?» Это было время, когда власть и агрессия человека выросли в конце концов до всепланетных масштабов, породив как следствие склонность к разрушению, гордыню и страх, не имеющие себе равных на всем протяжении челове-

ской истории. Выросли настолько, что как раз лучшие из наших пророков часто критиковали предсказателей, видящих Апокалипсис лишь впереди. Таким образом, лучшей из наших надежд была последняя надежда на выживание, так что мы смогли по крайней мере начать все сначала, после того как потоп пошел на убыль. Как ни странно, на вершине человеческой власти, агрессивности и гордыни люди, боязливые и запуганные, были бы готовы вернуться к мифическим пещерам и склонны довольствоваться малым – жизнью на краю нищеты, – чем стремиться к большему – обильному и преображенному существованию.

Однако потрясения, охватившие более столетия, не были напрасными; в самом деле, одно из зарождающихся в настоящее время открытий состоит в том, что ни одно из человеческих свершений не напрасно. Происходившее когда-то теперь достигло своего срока и не нужно больше томительно и с дурным предчувствием ждать, что призрак этих событий замаячит на горизонте. Призрак явился и как все призраки выглядит менее устрашающим и поразительно несхожим с духом из наших капризных фантазий на стенах пещеры. Сейчас призрак воплощается; мы можем видеть его и, видя, прийти к пониманию, и понимая, вынуждены принять и приветствовать неизбежность его появления.

Этот начинающий сейчас воплощаться призрак – не чудовище. Это человеческое существо – появляющееся сейчас мутантное человеческое существо: такое же слабое и неопытное, такое же идущее ощупью и осторожно – гордое, как перво-человек древних времен, спускающийся из убежища на деревьях на грозную, но и многообещающую землю. Отцом этого возникающего перво-мутантного человека была добрая половина теоретических умов двух тысячелетий, которые сделали возможным существование нашей общественной структуры. Его матерью стали все те технические инженерные корпорации, которые трудились над созданием технологического общества, согласованно развивающегося постиндустриального общества, которое, будучи сейчас в зрелой стадии использования технологических возможностей, корректирует экологический дисбаланс и загрязнение окружающей среды, созданные его промышленными предприятиями. Роль акушерки досталась всем тем ученым и философам, которые вели борьбу за

руководство этими оказавшимися трудными и мучительными родами, их истолкование и участие в родовспоможении. Эти последние – прозорливые ученые и философские умы прошедшего более чем столетнего периода, на которые мы должны ориентироваться, если претендуем на понимание и адекватную интерпретацию, а также на участие, наконец, в рождении нового, несоизмеримо более блистательного человеческого существа.

Я называю «революционерами» в науке и философии тех мыслителей, кто *был* и *остаётся* трудным в понимании и чьи идеи основной части западного общества так не просто разделить. Эти революционно мыслящие ученые, каждый в своей области и в рамках различных подходов, предвидели приход культурного мутанта, дали объяснение этому явлению и призвали нас принять его, а также различными способами старались пояснить нам причины его возникновения, соматические и вызванные влиянием среды. Вопрос в том, чтобы сопоставить взгляды революционеров науки и выделить своего рода согласную мелодию, в которую сливаются их голоса. Таков замысел данной книги: она посвящена культурному мутанту и тому, насколько мы уже владеем ключом к пониманию этого нового человеческого существа, если научились улавливать общее звучание голосов этих революционных мыслителей.

Словно возродившийся Иоанн Креститель, Иммануил Кант издал первый клич, отозвавшийся в двумерной пустыне западного мышления; однако увидеть путь и сделать его прямым для того, что должно было наступить, досталось Дарвину – одному из величайших наблюдателей. Маркс видел путь, он виделся ему достаточно широким, чтобы позволить пройти не одному человеку, но в конечном итоге всему человечеству. В противовес этому, Кьеркегору открылась не столько широта пути и число тех, кто пройдет по нему, сколько то, что для тех, кто пойдет по этому пути, он в итоге с необходимостью окажется единственным. Позже это предвидение обогатили представления других экзистенциальных мыслителей, в частности, представителей родственного направления исследований, называвших себя феноменологами. Эти различные пришедшие после Кьеркегора мыслители, некоторые с огромной тщательностью, другие с замечательной пронизательностью, исследовали сам путь и условия [следования по нему]: среди них,

несомненно, Гуссерль, Хайдеггер и Ясперс, которые возглавили целую когорту экзистенциалистов и феноменологов. Равно как и самонадеянный Сартр, пытавшийся быть всем для всех и кончивший великолепной полупраздностью. Равно как и христианские экзистенциалисты, отличавшиеся сколь путанными, столь же и смелыми взглядами, в попытке протащить отжившие религиозные традиции в здоровую атмосферу манящего будущего вдвойне преуспевшие, прибывая крышку на гроб Господень своим чрезвычайно почтительным отношением к новому человеку.

Тем не менее, Мерло-Понти, чья мысль так рано оборвалась, несомненно мог бы достичь цели как раз там, где Сартру это не удалось, просто потому, что эта мысль была неотступно сосредоточена на наших телах и нашем воспитании. А также, бесспорно, Камю, мыслитель, который никогда не заявлял о себе иначе, чем об артисте, просто «делавшем свою работу», воспроизводя образ своего времени своим братьям. И артистом он был, так как все ужасы и весь хаос нашего столетия преломились через его собственное бытие; и все же, каким-то образом преломленные сквозь эту призму, дела современного человека, преодолев это превращение, окрашены у него надеждой и проникнуты поэтическим лиризмом и чувственностью.

Однако среди ученых мыслителей, радикально изменивших прежнее направление наших мыслей, превзошел других Фрейд, непримиримый, вечно ищущий, вечно скитающийся еврей, который взял революцию Канта–Коперника и довел ее до ума с присущим ему сочетанием прозорливости и честности, редко достигаемым человеческим интеллектом. Но не только Фрейд, но также обладающий необычайным талантом Пиаже – терпеливо, изобретательно и нежно бившийся с молодыми человеческими созданиями в школах Женевы, пытаясь выведать секрет устройства человеческого ума, обусловленного соматической организацией и средой, двигавшийся тем же путем, что и Фрейд, который докапывался до соматической структуры человеческих эмоций.

Другие отрасли науки имели дело с родственной задачей: подтверждением и переподтверждением наличия структурированных мыслительных процессов в живущих и ранее живших телах, причем не только в наших собственных, но наличия этих процес-

сов во всех живых телах; именно это было показано Дарвином. Над этим работали специалисты в области этологии, «биологии поведения», исследования которых, начавшиеся в Соединенных Штатах, сейчас переживают расцвет в Европе. В особенности Лоренц – такой же терпеливый с животными, как Пиаже с детьми. Лоренц, который продемонстрировал нам, что не только все люди наши братья, но все животные – наши дядюшки и кузены, заслуживающие нашего понимания и любви, потому что мы все – одна достойная удивления семья, имеющая общее прошлое и схожие соматические способы принимать настоящее и обходиться с ним.

Философским дополнением к трудам этологов, таких как Лоренц, и представителей психологии развития, таких как Пиаже, были конечно работы Кассирера, обладателя удивительного, почти безграничного интеллекта, чья глубоко идеалистическая тевтонская кость не могла противостоять влиянию монументальной эрудиции, которая привела его к описанию человеческого сознания и ума, продвигающегося ощупью на всем протяжении своей длительной эволюции: от первых робких рисунков и слов первобытного человека до чисто абстрактных уравнений и формул современных ученых.

А затем был Вильгельм Райх, возможно единственный подлинный ученик Фрейда, полубезумец, стремящийся через видение структуры человека вникнуть в структуру всех живущих организмов и затем через видение этих структур проникнуть в организацию физической материи в предельной природе космоса. Райх доказал, что надежда на возможное появление Человека Возрождения не умерла. Он доказал также, что такие люди рискуют умереть в Федеральных тюрьмах Соединенных Штатов.

И, наконец, истинный сумасшедший последнего столетия и даже более, «клоун», который знал, что он был нерожденным при жизни и станет рожденным лишь посмертно: Ницше, который примирился с отсутствием понимания в свое время, примирился с необходимостью ждать, что его книги в конце концов проложат путь «новому сознанию» и новой мутации в человеке в более поздние времена. Ницше, который видел и предрекал агонию и грубый нигилизм, в который мы впадем, и который в то же время почувствовал *Таувинд*, теплый, влажный весенний бриз, которым веет

от Сверхчеловека будущего. Ницше, который в отсутствии Бога, обратившего в забвение, был не только способен простить миру и людям их существование, но оказался в состоянии принять их, любить и петь о них со своего рода радостью, к пониманию которой мы сможем приблизиться лишь тогда, когда все мы станем сумасшедшими, и клоунами, и мутантами.

Есть люди, которые еще выскажутся, одни прямо, другие лишь косвенно, некоторые пространно, а некоторые только мимоходом; однако мысль всех этих людей содержит нечто общее и в ней звучит общий голос. Это общее должно быть выражено; возможно это поможет нам понять, принять и поддержать то, что происходит среди нас самих – человеческой расы.

2. Водораздел: вторая попытка начать книгу

Предположим, это можно было бы представить иначе. Кое-кому из гуманистов будет в лучшем случае нелегко переварить эту книгу, и задача в том, чтобы спасти трудную книгу по крайней мере благоприятным началом. Проблема, по-видимому, состоит в том, что слово «революционный» для многих людей включает в себе что-то пугающее. По мере знакомства с нашими ранними перво-мутантами громадное число людей приходят в замешательство, когда видят или слышат такие слова как «революция» или «радикальный».

И это реальность. То же самое со словами «fuck»¹, «prick»², «cunt»³: они воспринимаются как угрожающие; они немедленно вызывают определенную соматическую реакцию. Заметили ли вы особый тремор, своего рода легкое сжатие, когда в первый раз увидели это напечатанным на странице? Или лучше того, заметили ли вы, что как только вы перевернули страницу, эти особенные слова выскочили вперед и бросились вам в глаза? Возможно вы «увидели» их прежде, чем установили деятельность по «просматриванию» страницы. Если так и произошло, значит вы уже узнали кое-что о теле, *собственном* теле и его необычайно обостренных реакциях на все значительное в его окружении. Возможно также, вы узнали кое-что о восприятии и о том, как это получается, что «видишь», «слышишь» и в целом ощущаешь намного больше и быстрее, чем воспринимает так называемый «ум» или «сознание».

Действительно, увидеть «fuck» написанным на странице – это для многих первый урок того, на чем неустанно настаивал Зигмунд Фрейд: что нашим целостным телесным существом непосредственно воспринимаются и отбираются среди окружающего нас детали, в данном случае, пугающе заманчивые, и наше сознательное внимание немедленно организуется так, что мы можем, с тем чтобы защититься, сосредоточиться на угрозе и справиться с ней каким-либо практическим способом. Эту быструю двойную

¹ to fuck (англ.) – неприст. трахаться

² prick (англ.) – груб. половой член

³ cunt (англ.) – неприст. влагалище

реакцию бессознательного восприятия-и-защиты Фрейд сначала назвал «сопротивление», а позднее «подавление»; она совершенно типична для жителей Запада от Урала до Калифорнии и является одним из многих соматических механизмов, которые будут упоминаться на следующих страницах.

Этот специфический тремор или сжатие, которые вы можете быть ощутили в какой-то степени, когда заметили угрожающее слово, является характерным признаком деятельности вашей «мышечной брони», как говорит об этом Вильгельм Райх, т.е. произвольными мышечными сокращениями, которые можно ощущать в области таза, диафрагме, грудной клетке, плечах и даже в некоторых отделах шеи и лица, когда мы слышим некоторые слова или видим определенные изображения. Значение этой реакции сопротивления в том, что увиденное вами, быть может, каким-то образом привлекает ваше тело в целом, но вызывает *противодействие* ваших культурных навыков, приобретенных в предыдущие годы, создающих настолько закрепившуюся привычку обороняться от будто бы существующих опасностей, что ваша реакция обрела автономность и сейчас вы «видите» их и покрываете себя защитной броней даже не дожидаясь, когда ваше культурное сознание будет затронуто прямым приказом об этом.

Поэтому, прежде чем говорить о *революции*, возможно было бы не только предпочтительнее, но и гораздо более правильно поговорить об *эволюции*, принимая во внимание что вытекает именно это.

В настоящее время мы находимся на водоразделе человеческой эволюции и именно на языке эволюционных процессов можем наилучшим образом говорить об этом событии: т.е. говорить, используя понятия органических тел – таких как наши собственные – и изменения среды, в которой мы обитаем, приспособляясь к ней и изменяясь вместе с ней.

Хотя для того, чтобы подойти к главной идее этой книги, потребуется обзор данных о соматических и средовых характеристиках, который будет изложен в Разделе 2, исходная посылка может быть сформулирована следующим образом: по мере того, как мы приближаемся к концу последней трети двадцатого столетия, мы становимся свидетелями чрезвычайно длительного периода раз-

вития человеческой культуры и одновременно претерпеваем резкий и отчетливо ускоряющийся процесс превращения в человеческую культуру, коренным образом отличную. Ключом к пониманию этого эволюционного события является то, что мы имеем успешно построенное технологическое общество. Ключом к пониманию нарастающего темпа этого превращения в равной мере является наше технологическое общество. Оно не было знакомо нам прежде и мы не помышляли о нем, но то, что надвигается на нас сейчас, ясно показывает, что когда культурные мутации затрагивают нечто столь сенсационно новое с точки зрения человеческой истории, как технологическое общество, они происходят быстро: революционное изменение скорее перерастает эволюционное изменение, а не существование тихое и незаметное. Вкратце, в технологической среде, которая в полной мере является новообразованием, имеет место радикально ускорившийся процесс средовой адаптации, поэтому в настоящее время «эволюция» и «революция» становятся синонимами. И к лучшему или к худшему – в зависимости от вашей культурной и соматической позиции – это отождествление эволюции и революции отныне определит будущее состояние технологического человеческого общества. Такой взгляд на происходящее может – и большинству *будет* – казаться ужасным, отталкивающим и, что можно утверждать с наибольшей уверенностью, неправдоподобным; и все же важность идеи в том, что с этого момента истории мы уходим на дистанцию. И это одна из причин того, о чем гласит надпись во фронтисписе: «Девиз двадцать первого столетия: “Все возможно”».

Абсолютным показателем нашего высокого уровня технологической зрелости является не просто соотношение производственных цифр с численностью населения; пожалуй, есть значительно более показательный критерий наших достижений, а именно то, что мы становимся технологическим обществом, *осознающим свое существование*. Мы сейчас впервые критически осмысливаем для себя неправильное использование и злоупотребления технологией и занимаем *контр*-позицию в защиту земной среды, за контролирование и подчинение которой мы так долго вели борьбу. Только технологически зрелая нация может сознательно отнестись к совершенно бессмысленному нагнетанию природного дисбаланса

среды, которое может повлечь за собой небрежное использование технологий. Абсолютным критерием нашего нынешнего становления как посттехнологического общества является введение в сферу национальных интересов такой чрезвычайно щекотливой и неоднозначной проблемы, как экология: ведь в этом обществе ликвидация загрязнения и установление тонкого баланса природных сил сами по себе являются задачами, которые призвана решать технология.

Сейчас, когда люди впервые в своей истории добились создания технологического общества – со всем вытекающим отсюда сверхэнергичным коммуникационным, транспортным и социальным переустройством – понятно, что будет иметь место и некоторая (в равной мере непредсказуемая и радикально новая) человеческая реакция: в частности, последующие поколения, живущие в этом трансформированном мире, будут сами – самым действенным, здоровым и неизбежным образом – адаптироваться к этому новому миру; то есть они будут мутировать. Эти мутанты будут в общем *выглядеть* так же, но не так *чувствовать* (поскольку их тела реагируют на новую среду), не так *воспринимать* (поскольку с рождения испытывали на себе новизну этой среды) и, что наиболее очевидно, эти мутанты будут не так себя вести (потому что их поведение должно на деле соответствовать тому, что они ощущают и воспринимают как свою среду).

Таков изначальный конфликт эволюционно-революционной адаптации: перво-мутанты оскорбляют чувства приверженцев культурной традиции *дурным поведением*. Перво-мутанты не поддаются пониманию: ведь их чувствование мира для мыслящего традиционно просто непостижимо; их видение мира необъяснимо; их образ мыслей возмутителен. И конечно, их способ поведения в этом мире бессмыслен, пагубен и разрушителен.

Итак, у нас имеется «*le conflit des générations*», перед нами «разрыв между поколениями»; с той лишь разницей, что конфликт происходит не между поколениями, а между традиционной и мутантной культурами. И происходит он не только в Соединенных Штатах (где по технологическим причинам он является особенно острым), и не только в Западной Европе (где перво-мутанты глубоко ужасают признанных защитников социального прошлого),

но равно и в коммунистическом обществе: брожение среди молодежи народов Средней Европы и открытый мятеж в Чехословакии обернулись не просто мимолетной неприятностью для Советского Союза и политических организаций, принадлежащих его объединенному коммунистическому лагерю; это брожение и этот мятеж – лишь начало. И начало, обусловленное в точности теми же причинами, что и в капиталистических нациях: тем, что народы коммунистической ориентации также достигли успеха в создании технологического общества, т.е. общества, в котором человек умеет выстраивать и контролировать земную среду таким образом, что теперь она работает *на* его выживание и не является уже бесстрашной, тупой угрозой, чуждой хрупкому, бедственному человеческому существованию.

Они, коммунисты, начинают сейчас однако опасаться неизбежных последствий своих достижений: их новоиспеченное технологическое общество превращает своих членов в иной тип людей. И поэтому коммунистический «истеблишмент» находится в таком же ужасающем положении, что и «истеблишмент» капиталистический; его более новые поколения счастливо и неизбежно мутируют вместе со своей новой средой и их незнакомые ощущения, восприятия и поведение идут вразрез с культурным прошлым. Ирония заключается в том, что Маркс в своих ранних сочинениях в значительной мере предвозвестил такой исход, развивая понятие *практики*. Кроме того, очевидно поэтому теоретики истеблишмента склонны умалять значение ранних сочинений Маркса, в то время как более молодые неомарксисты жадно поглощают их.

Исходное сообщение, заключенное в этих страницах, состоит в том, что создание нами нового вида среды представляет собой создание путем последовательной адаптации нового вида человеческих существ, поведение которых есть не что иное, как нащупывание способа приспособления к этой среде. Следовательно поведение это будет новым и особым: это будет «дурное поведение». Оно будет «безнравственным», «деструктивным», «бессмысленным» и отличающимся всеми остальными изъянами, усматриваемыми в нем приверженцами культурных традиций.

Культурные мутанты, как полагают традиционалисты, позаботятся об уничтожении большей части двух- или трехтысячелетней

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.